

ПРАВО

УДК 10.77.41

*А.Г. Антонов***СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НАКАЗАНИЯ) В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА (1861–1917 гг.)**

Отражен историко-правовой анализ специальных оснований освобождения от уголовной ответственности (наказания) в законодательстве России в период утверждения и развития капитализма (1861–1917 гг.). Автор прослеживает взаимосвязь исследуемых норм и современного российского уголовного законодательства о специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: специальные; освобождение; уголовная ответственность; история.

В действующем УК РФ, в его Общей и Особенной частях, закреплены нормы об освобождении от уголовной ответственности (см. ст. 75–78, 84 и 92 УК РФ, а также примечания к ст. 122, 126, 127¹, 204, 205, 205¹, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 276, 278, 282¹, 282², 291, 307, 337 и 338 УК РФ). Можно считать, что ныне сформировался относительно самостоятельный институт освобождения от уголовной ответственности. Внутри него выделяются два относительно обособленных подразделения, охватывающие соответственно общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности [1. С. 17]. Отдельную группу составляют специальные основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ.

Несмотря на то что проблема специальных оснований освобождения от уголовной ответственности широко обсуждается в современной литературе, до сих пор нет решений по ряду ключевых вопросов их законодательной регламентации.

Более глубокому пониманию обозначенной проблемы способствует изучение её исторического аспекта. Проследив происхождение исследуемых норм, мы, возможно, установим их предназначение, следовательно, сможем прогнозировать результаты их применения на практике.

Особый интерес вызывает законодательство периода утверждения и развития капитализма. В российской истории данный период пришёлся на вторую половину XIX – начало XX в. Именно в это время был принят ряд кодифицированных законодательных актов [2. С. 10], анализ которых позволит нам системно подойти к исследованию норм, являющихся прообразами специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Прежде чем перейти непосредственно к освещению соответствующих положений, необходимо оговорить следующие моменты.

Во-первых, в исследуемый период в российском уголовном законодательстве не различались институты уголовной ответственности и наказания, вернее сказать, о первом вообще не шло речи. Законодатель обходился лишь категорией «наказание». Тем самым в тексте уголовного законодательства исследуемого периода не использовалась категория «освобождение от уголовной ответственности», а имело место только освобождение от наказания. Несмотря на это, представляется верным рас-

смотреть и «специальные основания освобождения от наказания или смягчения наказания», содержащиеся в отечественном уголовном законодательстве дореволюционного периода, т.к., в сущности, речь в нем часто идет о специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности в современном понимании.

Во-вторых, источники уголовного законодательства указанного периода не различали освобождение от наказания и неприменение наказания. Тем самым добровольный отказ в ряде случаев выступал основанием освобождения от наказания. Также в качестве основания освобождения от наказания могло выступать какое-либо обстоятельство, исключающее преступность деяния. Подобные нормы не составляют предмета нашего исследования и рассматриваться здесь не будут.

Конечно, наша позиция предполагает видение специальных оснований преимущественно сквозь призму позитивного постпреступного поведения, которое, в сущности, и является основанием освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, в данной статье будет предпринята попытка анализа различных оснований смягчения наказания или освобождения от него, закрепленных в российских нормах периода утверждения и развития капитализма применительно к конкретным составам преступлений.

Исследуемый период озаменовался не только принятием ряда важнейших нормативно-правовых актов, но и существенным изменением действующих.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных претерпело несколько изменений после 1861 г. Соответственно, эти изменения отражали смену общественных приоритетов, подлежащих уголовно-правовой охране и защите. Поэтому новеллы данного Уложения будут рассмотрены несколько обособленно.

Ст. 153 Уложения в ред. 1866 г. (ст. 157 Уложения в ред. 1845 г.) предусматривала смягчение наказания, когда преступник, явившийся сам собой в суд с повинною, или даже и взятый к допросу по подозрению, не только учинит полное чистосердечное признание в своем преступлении и укажет всех своих сообщников, но, сверх того, доставлением верных в свое время сведений предупредит исполнение другого злого умысла, грозившего опасностью какому-либо частному лицу, или многим, или всему обществу и государству. Как видно, наметилась тенденция отечественного уголовного законодательства закрепления оснований

освобождения от наказания или его смягчения в «общих» нормах. Однако продолжали иметь место и специальные основания освобождения от наказания или его смягчения.

При борьбе с изготовлением контрафактной питейной продукции законодатель, помимо карательного потенциала, использовал возможности специальных видов освобождения от уголовной ответственности. Так, в ст. 555³ Уложения 1845 г. в редакции 1885 г. закреплялось значительное уменьшение наказания, если лицо являлось с повинной, и, тем самым, предотвращало «всякое дальнейшее вредное последствие» [3. С. 10].

В ст. 559 Уложения (редакция 1885 г.) устанавливалась уголовная ответственность за фальшивомонетничество. При этом «...те из соучастников, которые откроют правительству о своих соумышленниках и сами дадут средство их обнаружить и пресечь преступные действия, освобождаются от всякого наказания, а имена их сохраняются в тайне» [3. С. 10].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.) [4. Т. 8. С. 396], признавал обстоятельства, уменьшающими вину подсудимого, в частности: «добровольное до постановления приговора, вознаграждение понесшего вред или убыток» и «признание и чистосердечное раскаяние» (ст. 13). Но были и специальные нормы об освобождении от наказания. В некоторых специальных законодательных актах того периода в числе обстоятельств, исключающих «возбуждение или дальнейшее производство уголовного преследования», указывалась добровольная уплата виновным пени и вознаграждения потерпевшему. Впервые подобная норма была оформлена в Законе 1867 г. «Об охране частных лесов» (с его последующей редакцией в 1888 г.). Обвиняемому в совершенном в казенном или частном лесу проступке, за который он мог подлежать только денежному взысканию, предоставлялось право прекратить производство дела, внеся причитающееся с него денежное взыскание в высшем его размере, определенном в законе, а также следующую лесовладельцу сумму, и возратить ему похищенный или самовольно срубленный лес или стоимость одного [5. С. 1849].

Сходное правило было введено законом 1883 г., дополненным узаконениями 1888 г., относительно нарушений уставов казенных управлений. Основанная на этих законах ст. 1125 (в ред. 1890 г.) устанавливала, что дела по нарушению постановлений о питейном и табачном сборах, об акцизе с сахара, осветительных нефтяных масел, спичек влекут за собой одни лишь денежные взыскания с конфискацией или без оной. Обращение же к судебному рассмотрению может быть в том лишь случае, если лицо, на которое наложено взыскание по постановлению управляющего акцизными сборами, не заявит в течение определенного законом срока о согласии подчиниться сему постановлению или не внесет взыскания.

Ст. 20 Устава о наказаниях 1864 г. являлась общей нормой, закреплявшей возможность примирения при совершении ряда преступлений. Согласно ей освобождались от наказания лица, виновные в краже, мошенничестве, присвоении чужого имущества, самовольной порубке леса, нанесении обиды, клевете, угрозе причинения насилия и лишения жизни, самоуправстве, если они добровольно возмещали убыток, причиненный потерпевшему [6. С. 20].

В статье 177 Устава о наказаниях 1864 г. лица, виновные в растрате чужого имущества, вверенного для сохранения, переноски и перевозки, совершенную только по легкомыслию, подвергались более мягкому наказанию (вместо заключения в тюрьму на время от 3 месяцев до 1 года налагается арест до 3 месяцев) в случае их добровольного возмещения потерпевшему убытков [6. С. 20].

Но, как справедливо отмечалось в литературе тех лет, добровольная уплата виновным необходимых сумм не устраняла принципиальной наказуемости деяния, а лишь исключала возбуждение уголовного дела или его последующее производство [5. С. 1849].

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало уголовную ответственность за организацию «противозаконного сообщества» и участие в нем (ст. 124–126). Вместе с тем участнику такого сообщества, донесшему о нем «прежде обнаружения существования одного», наказание смягчалось или же он мог вовсе быть освобожден от наказания.

Уложение 1903 г. содержало в себе положения о снижении наказания в случае устранения виновным лицом наступившего последствия применительно к присвоению (ст. 574), неквалифицированному воровству (ст. 581) и мошенничеству (ст. 591) [7. С. 8].

Рассматриваемый период ознаменовался введением новых специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Аналоги подобных современных оснований нашли отражение в приведенных источниках. К ним можно отнести освобождение от уголовной ответственности при «организации и участии в противозаконном сообществе». Такое же освобождение при обороте контрафактной питейной продукции, при фальшивомонетничестве не нашли своего отражения в современном российском законодательстве, но совпадают по признакам и сущности со специальными основаниями освобождения от уголовной ответственности. Приведенный анализ свидетельствует об усилении охраны и защиты не только государственных интересов, но и капиталистических отношений. При этом следует отметить, что специальные основания существуют органично вместе с общими основаниями освобождения от уголовной ответственности. И может быть спорен тезис, что указанные специальные нормы впоследствии могут найти свое закрепление в одной общей норме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тенцов Э. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Иваново, 1982. С. 17.
2. История государства и права России. М., 2003. С. 10.
3. Коломеец В.К. Явка с повинной по российскому законодательству (1845–1995 гг.). Екатеринбург, 1996. С. 10.
4. Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1984. Т. 8. С. 396.
5. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1842. С. 1849.
6. Шатилов С.Н. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений. Тюмень, 2005. С. 20.
7. Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. М., 1997. С. 8.